

НЕ ОХЛѢВЪ ЕДИНОВА
БДОУЗ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
С ПАСА

СВЯТЫЙ БАСИЛІЙ
КОЛОДСКЪ ЧУДОТЪ

СВ. СТЕФАНЪ
СВЯТЫЙ ПЕРМСКІЙ

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 23
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Изъ писемъ святаго Тихона Задонскаго о покаяніи.— „По-
каянія отверзи ми двери, Жизнодавче!“ (Пѣснь церковная). С. Н. К.—Сила
Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Теодосія о самомъ
себѣ. *Сергѣя Нилуса*.—Погибшій. Исторія одного несчастнаго священника.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ИЗЪ ПИСЕМЪ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО О ПОКАЯНІИ.

IV.

о крещеніи и искушеніи изшелъ Спаситель нашъ на проповѣдь слова Божія: *начать Иисусъ проповѣдати и глаголати: покайтесь, приближися бо царство небесное.* Тоежде начало проповѣди Своей положилъ Господь, какое и Предтеча Его и Креститель; и той и сей началъ глаголати: *покайтесь.* Видишь, какъ согласно и пророка и Господа его слово; видишь, какъ нужно покаяніе намъ. Въ началѣ оно намъ предлагается, какъ дверь, чрезъ которую приходимъ ко Христу, и вѣруемъ въ Него. Надобно прежде перемѣнить нравъ, перемѣнить внутреннее состояніе, и исправить житіе: и тако утѣшатися святымъ Его Евангеліемъ, которымъ намъ царство небесное возвѣщается. И святой Предтеча, и Господь нашъ благовѣствуютъ намъ, что приближилось царство небесное, но въ началѣ оба полагаютъ покаяніе, глаголя: *покайтесь.* Истинное бо покаяніе приуготовляетъ сердце къ воспріятію Евангелія, или радостныя вѣсти. Евангеліе бо значитъ радостную вѣсть, то-есть отпушеніе грѣховъ, благодать, жизнь вѣчную и царство небесное отворившееся, которое заключено было ради грѣха,—которыхъ благъ никто не можетъ сподобитися безъ истиннаго покаянія; надобно прежде перемѣнить и сокрушить сердце печалію за грѣхи, и тогда въ немъ мѣсто будетъ евангельскому утѣненію. Евангеліе бо съ самаго (своего) имени значитъ утѣшеніе. Како убо тѣмъ утѣняться будетъ сердце, когда не сокрушится печалію? Утѣшеніе бо печальному утѣшеніе есть, а не веселящемуся. Покаемся убо, да и въ насъ Евангеліе съ своимъ утѣшеніемъ возымѣетъ мѣсто. Отъ закона и познанія сердце печалію, какъ млатомъ, сокрушается; но утѣшеніемъ, которое отъ Евангелія проистекаетъ, исцѣляется. Познаемъ убо закона грѣхи, и сокрушится сердце наше: сокрушенному сердцу приблизится и Евангеліе, благовѣствующее миръ, благовѣствующее благая.

„Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!“

(Пѣснь церковная).

Какъ дитя, растущее вдали отъ отца и матери, можетъ не представлять ясно, чего ему не достаетъ, и всетаки скорбѣть самую безутѣшную скорбію, такъ и человѣкъ въ своемъ паденіи можетъ и не помнить о своей потерянной духовной отчизнѣ, и о своей потерянной близости къ Отцу Небесному, и тѣмъ не менѣе чувствовать во всемъ своемъ существѣ происшедшій отъ того ушербъ и безсознательно сѣтовать о потерянномъ“.

Такъ говоритъ святой Іоаннъ Златоустъ. Добрый хрістіанинъ, по своему жизненному опыту, не можетъ не чувствовать глубокой справедливости этихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, не случилось ли вамъ, читатель наблюдать надъ собою такое явленіе, что иногда въ минуты земного счастья, въ минуты веселья и разныхъ удовольствій, вдругъ какъ будто какая-то внутренняя сила тяготитъ сердце ваше, какое-то внутреннее чувство гнететъ душу. Вамъ дѣлается невыразимо грустно, у васъ является сильное желаніе сейчасъ же покинуть веселое собраніе, пойти куда нибудь въ уединеніе, собраться съ мыслями, побесѣдовать съ собою, послушать внушеній этого внутренняго голоса. И вотъ, когда вы придете въ себя, то этотъ внутренній голосъ начинаетъ бичевать васъ и упрекать: какъ живешь ты, человѣкъ? Какъ погрязъ ты въ жизненной тинѣ страстей и пороковъ! Какъ погрузился ты въ чувственность! Ты постоянно служишь только плоти; ты рабъ ея. Тебѣ некогда заглянуть внутрь себя. А тамъ увидѣлъ бы ты, что умъ твой ищетъ свѣта истины, что сердце твое жаждетъ какой-то особой, неземной красоты, воля твоя чувствуетъ потребность добродѣтели и совершенства. Но ты не понимаешь, не позналъ своего святаго назначенія и предался чувственности и порокамъ. Вотъ почему ты чувствуешь этотъ разладъ въ своей жизни. Плоть влечетъ тебя къ землѣ и ты, какъ вѣрный рабъ, служишь своему тѣлу, а душа твоя погибаетъ съ голоду. Время отъ времени она громко заявляетъ о своихъ потребностяхъ, но это только въ мимолетныя минуты проблесковъ твоего сознанія. Всѣ такія мысли и чувства ты съ силой гонишь отъ себя прочь, стараешься поскорѣе заглушить, ибо они навѣваютъ на тебя грусть—тоску и отравляютъ твои земныя радости.

Тутъ-то невольно и приходитъ на память вышеприведенное сравненіе св. Іоанна Златоуста. Какъ малыя дѣти, растущія вдали отъ родителей, мы часто не представляемъ себѣ ясно, хотя и чувствуемъ, что чего-то намъ не достаетъ. По временамъ мы глубоко скорбимъ безутѣшную скорбію о какихъ-то утрачен-

ныхъ благахъ, о какомъ-то потерянномъ счастьи. Какія же это блага, которыя утратилъ человѣкъ въ своемъ паденіи? Гдѣ то счастье, къ которому безсознательно онъ стремится? Это утраченное благо-райскіе чертоги. Это потерянное счастье—близость къ Отцу Небесному.

Не заглушать и не изгонять изъ себя надо эти святые воспоминанія объ утраченномъ, эти иногда безсознательныя сѣтованія о потерянномъ. Нѣтъ, нужно какъ можно больше будить въ себѣ эту духовную силу, какъ можно больше давать ей простора. Эта сила, это внутреннее чувство врождено нашей душѣ, оно современно по своему происхожденію началу человѣческаго рода. На языкѣ христіанскомъ чувство это именуется раскаяніемъ, покаяніемъ....

„Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!“

Уже сколько вѣковъ родъ человѣческій призывается къ покаянію! Къ покаянію призывалась нѣкогда въ раю первозданная чета людей. Но прародители наши не принесли раскаянія въ грѣхѣхъ нарушенія заповѣди Божіей. Потому и понесли они тяжкое наказаніе: трудъ, болѣзни и смерть, по изгнаніи изъ рая сладости во Едемѣ. Къ покаянію призывали ветхозавѣтное человечество пророки. Призывомъ къ покаянію началъ свою проповѣдь великій Іоаннъ Предтеча въ пустынь Іудейской. Призывомъ къ покаянію началъ Свое служеніе роду человѣческому и воплотившійся Единородный Сынъ Божій: *покайтесь, приблизится бо царство небесное* (Мѣ. IV, 17). Почему же такъ косно человечество, что ему и теперь многократно приходится повторять ту-же проповѣдь?

Что такое покаяніе? Мы обыкновенно привыкли разумѣть подъ этимъ словомъ чувство раскаянія во грѣхахъ, иногда таинство св. исповѣди. Но и это мы понимаемъ большею частію какъ-то поверхностно, односторонне. Мы легкомысленно думаемъ иногда такъ: грѣши, сколько угодно, потомъ подумай о грѣхахъ, сходи на исповѣдь, расскажи духовному отцу грѣхи свои, и ты покайся. Нѣтъ, не таково истинно христіанское покаяніе, къ которому призываетъ насъ св. вѣра наша. Когда книжники и фарисеи, ища покаянія, спрашивали у Іоанна Предтечи: „что намъ дѣлать?“—онъ отвѣчалъ имъ: „порожденія ехиднова, кто сказалъ вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва? *Сотворите убо плоды достойны покаянія*“. Итакъ, Іоаннъ требовалъ *плодовъ* покаянія. Онъ требовалъ; чтобы люди измѣнили свою жизнь, искупили свои пороки противоположными добродѣтелями. Какъ-бы такъ говорилъ онъ фарисеямъ: вы—люди гордые и честолюбивые. Вы любите только почетъ и уваженіе, а сами отличаетесь немилосердіемъ и жестокостью: притѣсняете беззащитныхъ вдовъ, обижаете сирыхъ, отнимаете послѣднее у бѣдныхъ и неимущихъ.

Если хотите спастись, переменитесь: забудьте свою гордость, вдохните въ себя любовь ко всѣмъ несчастнымъ и обездоленнымъ. У кого есть двѣ одежды, пусть одну дастъ нищему. У кого есть пища, пусть поступаетъ такъ же. Вотъ гдѣ истинное покаяніе!

Къ такому покаянію призывалъ и Иисусъ Христосъ Своихъ послѣдователей. Это покаяніе изобразилъ Онъ въ трогательной притчѣ о блудномъ сынѣ. Кто не знаетъ этой притчи? Нужно ли повторять ее? Блудный сынъ—это все грѣшное человѣчество. Всѣмъ намъ тяжело жить подъ общей кровлей Отчаго дома. Всѣ мы стремимся *на страну далече*. Подобно блудному сыну, всѣ мы непроизводительно расточаемъ Богодарованныя намъ сокровища. Но блудный сынъ не до конца остался такимъ грѣшникомъ. *Пришедши въ себя*, онъ позналъ свою бѣдность духовную. Вспомнилъ онъ о сокровищахъ отчаго дома и рѣшилъ принести сыновнее покаяніе оскорбленному отцу. Не только рѣшилъ онъ, но и исполнилъ свое рѣшеніе. Съ непокрытой головой, босой, въ рубищѣ возвратился онъ къ отцу и палъ въ его объятія съ слезнымъ моленіемъ: „отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ“ (Лк. XV, 18—19).

Вдругъ-ли далось бѣдному грѣшнику такое духовное состояніе? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, оно пріобрѣтено было имъ путемъ долгой и упорной борьбы со своими страстями и похотями. На эту борьбу призываетъ Иисусъ Христосъ въ лицѣ блуднаго сына и каждаго грѣшника. Тяжела для насъ эта постоянная жизненная борьба; намъ кажется, что она—не подъ силу намъ, потому мы и считаемъ лучшимъ для себя пребывать въ своей прежней грѣховности. Правда, христіанство проповѣдуетъ намъ, что сила Божія въ немощи совершается, что гдѣ оскудѣваютъ естественныя силы, тамъ дѣйствуетъ благодать Божія. Но мы остаемся глухи къ этой проповѣди, не желаемъ сердечно прислушаться къ ней, не познали на себѣ дѣйствіе благодати. Мы болѣе возлюбили грѣхъ и грѣховную жизнь. Мы считаемъ духовное совершенство дѣломъ только избранниковъ Божиихъ, а сами живемъ, какъ живется, пока Богъ терпитъ грѣхамъ нашимъ. Вотъ почему намъ и приходится повторять часто этотъ призывъ къ покаянію: „покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!“

Какъ же, однако, нужно измѣнить намъ свою жизнь? Какія и чувства должно воспитывать намъ въ себѣ, чтобы принести *плоды достойные покаянія*, по требованію святой вѣры нашей?

Мы живемъ плотскою жизнію, рабски служимъ чувственности. Инымъ кажется, что они всегда будутъ жить такъ, или нѣкоторые думаютъ, что съ смертію совершенно прекратится наша жизнь, какъ прекращается жизнь животныхъ. Вотъ гдѣ самое

коренно заблужденіе наше. Мы не думаемъ, что за этою жизнью есть ~~иная~~ жизнь, безсмертная, отрадная для однихъ и страшная для другихъ. Мы не хотимъ думать, что эта временная жизнь только приготовленіе къ жизни будущей. Мы забыли истину, возвѣщенную намъ въ христіанствѣ, что райскіе чертоги возвращены будутъ намъ *въ накибытіе*, тамъ, за гробомъ, на небѣ, у Бога, если только мы будемъ того достойны. Вотъ сообразно съ чѣмъ намъ нужно измѣнить свою жизнь. Вотъ какъ нужно настроить намъ свои мысли. Вотъ какія мы должны воспитать въ себѣ чувства по отношенію къ землѣ и земному отечеству, а равно и по отношенію къ отечеству небесному мы должны помнить, что мы только временные приставники къ земнымъ благамъ, домоправители, какъ сказано въ притчѣ Господней. Все это— не наше; все это дары Божіи. Потому мы и должны будемъ дать отчетъ Нелицепріятному Судіи, какъ мы пользовались ими и какъ приготовляли себя къ жизни будущей. Всякое земное пристрастіе, себялюбіе, плотоугодіе, чувственность — камни преткновенія и соблазна, препятствія на пути къ царству небесному. Одни только сокровища души безсмертны. Они пойдутъ съ нами въ жизнь вѣчную. Вотъ на что нужно обратить намъ свое вниманіе и заботу. Все брѣнное останется здѣсь на землѣ. Какъ же исказилъ въ себѣ челоуѣкъ образъ Божій! Какъ низвратилъ свою Богоподобную природу! Онъ забылъ о своей безсмертной душѣ, всѣмъ существомъ своимъ прилѣпился къ тѣлу смерти сея и поработилъ себя плоти. Потому то св. Церковь каждагодно избличаетъ наше заблужденіе и призываетъ насъ къ покаянію, научая насъ взывать Создателю нашему: покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

С. Н. К.

СИЛА БОЖІА И НЕЖЕЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XIV.

И вотъ я—въ Воронежѣ у раки Святителя Митрофана, у Иосафа—въ Бѣлгородѣ, у Св. Аѳанасія Сидящаго—въ Лубнахъ, у Св. Макарія—въ Переяславлѣ, у Чудотворной Иконы Божіей Матери—въ Ахтыркѣ—и всюду одинъ: со своими земляками я про-

стился въ Воронежѣ—дальше они не пошли. Наконецъ, достигъ я и цѣли своихъ иламенныхъ желаній. Солнце уже было на закатѣ, когда я мокрый отъ сильнаго дождя, застигнаго меня неподалеку отъ Лавры, усталый, дошелъ до св. воротъ великой обители. Вечерня только что отошла, и богомольцы толпами расходились на гостиницы. Въ св. воротахъ мнѣ встрѣтился инокъ, остановился, взглянулъ на меня и неожиданно меня спросилъ:

— „Откуда ты, мальчикъ?“

— „Изъ Саратовской губерніи, изъ города Балашова“—отвѣтилъ ему я.

— „Что жъ, есть у тебя здѣсь кто-либо изъ иноковъ знакомый?“

— „Вы, сказалъ я: святой отецъ первый мнѣ будете знакомый: я здѣсь въ первый разъ и никого не знаю“.

— „Ну, такъ“, сказалъ онъ: „иди, братъ, ко мнѣ въ келью—у меня и переночуешь. Поужинаемъ съ тобою, а на утріе тамъ, какъ Богъ благословить“...

И привелъ меня въ столярную, гдѣ у него была и келья. Обласкалъ онъ меня, какъ отецъ родной, угостилъ ужиномъ и уложилъ спать, сказавъ:

— „Отдыхай, братъ! а завтра пойдемъ къ ранней обѣднѣ“.

Можно ли выразить словами или описать, съ какою радостью и восторгомъ вошелъ я въ первый разъ въ главный соборный храмъ Успенія Богоматери? Понять волновавшія тогда меня чувства можетъ только тотъ, кто хоть разъ въ жизни отъ всего своего сердца, отъ всего помышленія, отъ всего существа своего возносилъ пламень своей молитвы къ Богу....

Когда я, послѣ поздней Божественной Литургіи, подошелъ въ числѣ прочихъ богомольцевъ къ святой иконѣ Успенія Богоматери, чтобы приложиться, я ощутилъ отъ нея такое благоуханіе, какого ни прежде, ни послѣ уже болѣе не обонялъ, но это не было благоуханіе розоваго масла, которымъ обычно умащаютъ св. иконы, это было что-то такое чудное, съ чѣмъ никакіе запахи самыхъ благовонныхъ цвѣтовъ сравниться не могутъ, и душа моя исполнилась восторга неземнаго.

Прожилъ я въ Лаврѣ на гостиницѣ болѣе двухъ недѣль, какъ одно блаженное мгновеніе. Каждый день ходилъ въ Пещеры къ ранней обѣднѣ, и меня стали знать Пещерные монахи. Одинъ изъ нихъ, распросивъ меня, чей я и откуда, поручилъ мнѣ съ нимъ вмѣстѣ ходить со свѣчкой въ рукахъ передовымъ съ богомольцами, читать для нихъ вслухъ надписи на гробницахъ Угодниковъ. И я ходилъ, весь объятый трепетнымъ восторгомъ, возглашалъ громкимъ голосомъ святыхъ имена тѣхъ, которыхъ весь міръ со мною вмѣстѣ недостоинъ, клалъ земной поклонъ передъ каждой гробницей, прикладывался къ Св. Мощамъ со сло-

вами: „Святый Преподобный (имя рекъ), моли Бога о насъ“, и то же внушалъ дѣлать и остальнымъ, слѣдовавшимъ за мною, богомольцамъ. Это добровольное и неизъяснимо для меня радостное послушаніе я несъ почти каждодневно... О, святое, благословенное и на всю мою жизнь незабвенное время!...

Пришла, наконецъ, пора собираться мнѣ и въ обратный путь: побывалъ я во всѣхъ святыхъ мѣстахъ Кіева—во всѣхъ храмахъ Кіевскихъ, въ Софійскомъ соборѣ, у Св. Великомученицы Варвары—всюду возносилъ я свою пламенную молитву къ Господу и Пречистой, и главной моей молитвой была просьба о томъ, чтобы Они меня приняли въ число иночествующей братіи, хотя бы на самое тяжелое послушаніе... Послѣднюю свою службу въ Кіевѣ я отстоялъ въ Успенскомъ Лаврскомъ соборѣ. Тѣснота въ соборѣ была великая. Я стоялъ всю службу на колѣняхъ передъ чудотворной иконой Богоматери. И жарка же была моя къ Ней слезная молитва!... Ввѣривъ себя и всю свою судьбу Преподобной, приложившись въ послѣдній разъ къ святой Ея иконѣ Успенія, поклонившись Ей до земли, я пробрался къ ракѣ Преподобнаго Ѳеодосія. Палъ я передъ нею ницъ и опять молился: слезы сами такъ и текли изъ глазъ моихъ, какъ вешняя вода, пригрѣтая весеннимъ солнышкомъ, и все объ одномъ была моя молитва. Восторгъ моей молитвы дошелъ, наконецъ, до того, что я, не чувствуя себя, схватилъ своей рукой себя за волосы, съ силой рванулъ и вырвалъ изъ головы своей большую прядь волосъ и со словами—„вотъ тебѣ, Преподобный, залогъ моего желанія стать инокомъ“—положилъ эту прядь сверхъ гробницы, прямо въ руки изображенія Пр. Ѳеодосія, и опять на колѣняхъ продолжалъ молиться и плакать у св. раки.

Вдругъ вижу: изъ угла храма, гдѣ стоитъ рака, идетъ ко мнѣ раздвигая народную толпу, престарѣлый сѣдой инокъ. Подошелъ онъ ко мнѣ, нагнулся почти къ самому моему лицу и тихо спросилъ:

— „Это что же ты положилъ сверхъ раки-то на изображеніе Преподобнаго?“

— „Это мои волосы“, тихо и трепетно отвѣтилъ я старцу: „я вложилъ въ руки Преподобнаго, ввѣряя себя его святымъ молитвамъ. Онъ игумень здѣшній, и я просилъ его, чтобы онъ умолилъ Господа, рано или поздно, быть мнѣ инокомъ“.

— „И Богъ исполнить твое желаніе“,—тихо сказалъ, наклонясь ко мнѣ, старецъ и пошелъ обратно въ темный уголь, изъ котораго вышелъ.

Въ тотъ же день я поклонился Кіеву въ послѣдній разъ и отправился въ свой далекій обратный путь на родину. По дорогѣ я заходилъ въ Воронежъ къ великому святителю, Архіепископу Антонію, получилъ его благословеніе и удостоился слы-

шать изъ устъ его ободрившее меня слово: „подожди — рано еще—успѣешь!“...

Стало быть, я буду монахомъ!... Очень я былъ этимъ утѣшенъ.

XV.

Какъ рады были родители моему возвращенію изъ далекаго странствованія, всякій представить себѣ можетъ. Благополучное мое возвращеніе внушило имъ ко мнѣ такое довѣріе, что родитель мой нашель возможнымъ ввѣрить мнѣ отдѣльную отрасль своихъ дѣлъ—свѣчную лавку, изъ которой онъ торговаль оптомъ и въ розницу восковыми свѣчами, и я сталъ, несмотря на свои юные годы, почти самостоятельнымъ торговцемъ, прикащикомъ на отчетѣ.

Въ это время я познакомился и близко сошелся съ купеческимъ сыномъ, Ѳеодоромъ Андреевичемъ Какирбашевымъ, торговавшимъ отъ меня по сосѣдству — черезъ лавку — юхтовымъ и желѣзнымъ товаромъ. Сблизила насъ съ нимъ общая любовь къ монашеству. Впослѣдствіи онъ былъ намѣстникомъ въ Площанской Пустыни (Орловской губ.), гдѣ и окончилъ свою жизнь, принявъ передъ смертью схиму. Къ нашей дружбѣ присоединился еще и другой сосѣдъ, тоже купеческій сынъ, торговавшій галантерею, бакалейнымъ и колониальнымъ товаромъ. Этого пути впослѣдствіи ничего не имѣлъ общаго съ нашими юношескими стремленіями и надеждами. Но въ то время мы всѣ, трое, были, какъ одна душа и стремились къ одной цѣли, и цѣлью этой былъ монастырь и подвиги иноческой жизни. Только воля родителей стояла передъ нами, какъ стѣна, непреодолимой преградой къ осуществленію нашихъ пылкихъ влеченій.

Жили мы тогда такъ: день занимались каждый своей торговлей, а наступала ночь—мы собирались вмѣстѣ въ теплушку къ галантерейщику и тамъ по цѣлымъ почти ночамъ молились, читая акаѣисты, псалтирь, каноны, и когда изнемогали отъ трудовъ бдѣнныхъ, то, прочитавъ молитвы на сонъ грядущій, помянникъ и главы три изъ Евангелія и Апостола, ложились спать, укрѣпляя себя взаимнымъ примѣромъ и добрыми совѣтами. Ночнымъ караульщикамъ нашихъ лавокъ было вмѣнено въ обязанность будить насъ въ три часа утра, и въ этотъ ранній часъ мы опять становились на молитву. Кромѣ того мы каждый день стали ходить и въ будни къ утрени и къ обѣднѣ, прислуживали въ алтарѣ, носили подсвѣщникъ, подавали кадило, читали часы. Намъ изъ всего города принадлежалъ первый починъ подавать просфоры на проскомидію о здравіи и упокоеніи, чего раньше въ Балашовѣ не было въ обычаѣ. На насъ глядя, стали подавать и другіе, такъ что вскорѣ къ проскомидіи стало собираться

частныхъ просфоръ до пятидесяти и болѣе. Богатое наше имени-
тое купечество, усердное къ Божьимъ храмамъ, такъ полюбило
этотъ добрый хрiстiанскiй обычай, и черезъ то приношенiе про-
сфоръ до того умножилось, что печенiе просфоръ стало прибыль-
нымъ занятiемъ, которымъ занялось нѣсколько дѣвицъ, и оно
было источникомъ ихъ пропитанiя. Священники насъ очень лю-
били за наше усердiе и звали „монашатами“, а сверстники под-
смѣивались и то же названiе обращали въ насмѣшку. Особенно
недоброжелательно къ моимъ стремленiямъ и моему поведенiю
относился старшiй мой братъ, Θεодоръ, служившiй при откуп-
ныхъ дѣлахъ конторщикомъ и кассиромъ. Начитался онъ Пуш-
кина и другихъ свѣтскихъ писателей, и коломъ въ горлѣ стояло
у него монашество..... Подавали мы и милостыню, и заключен-
ныхъ въ темницахъ посѣщали—словомъ, всей душой стремились
осуществить въ своей юной жизни завѣты Хрiстова ученiя.

А мысль о монашествѣ все росла и зрѣла въ моемъ сердцѣ.
Нетерпѣливый мой характеръ едва мирился съ препятствiями....

День и ночь я думать свою неотступную думу и, наконецъ,
рѣшился на тайный побѣгъ. Остановка была за паспортомъ, но
планъ у меня уже созрѣлъ, оставалось только привести его въ
исполненiе.

(Продолженiе слѣдуетъ).

ПОГИБШИЙ.

Исторiя одного несчастнаго священника.

(Окончанiе).

Зная добрую любовь о. Георгiя къ другу и влiянiе его на о.
Георгiя, близкiя къ нему лица обыкновенно во дни его страда-
нiй посылали лошадку за „Митей“, какъ обыкновенно звалъ меня
о. Георгiй. Я прiѣзжалъ къ нему. Видъ его былъ ужасенъ. Бо-
сой, съ всклокоченной головой, со слезами на глазахъ встрѣчалъ
онъ меня въ своемъ домѣ. Онъ плакалъ, рыдалъ, цѣловалъ руки.
Нужно было поддержать, ободрить его, поднять его упавшiя
силы и въ тоже время руководить имъ въ борьбѣ съ страшнымъ
недугомъ. Самъ онъ рѣшительно былъ не въ силахъ. Но за то
онъ платилъ другу полною преданностiю и чисто дѣтскимъ по-
слушанiемъ.

Начиналось съ того, что мы возобновляли какой либо старый
разговоръ. Онъ заинтересовывался, начиналъ засыпать меня вопро-
сами и мало по малу отвлекался отъ предмета страсти. Въ этомъ
заключалась вся задача. Но тутъ нужно было и немалое терпѣ-
нiе. Чтобы вытрезвить его, приходилось просиживать съ нимъ

подъ-рядъ три дня и три noci. Тогда только онъ начиналъ, какъ самъ выражался, „приходить въ сознание“. Вдругъ отстать ему отъ страсти было тяжело. Приходилось соблюдать постепенность. Обыкновенно это дѣлалось такъ. Уменьшались градусы спирта, проще говоря, на глазахъ хозяина вино разводилось кипяченой водой, уменьшались дозы, увеличивались промежутки приѣма. Покорность хозяина была полная. „Митя, говорилъ хозяинъ другу, если всю рюмку нальешь водою, да спустишь въ нее хоть каплю вина, то и тогда пить буду“. Водка поступала въ полное распоряженіе руководителя. Хозяинъ только ходилъ вокругъ него и просилъ: „Митя, Христа ради рюмочку!“ Бывало скажешь ему: „рюмочка будетъ, о. Георгій, только сначала выкушайте стаканчикъ чаю“. Онъ покорно подчинялся и дѣло шло на улучшеніе.

Весь трудъ заключался въ томъ, чтобы все время бодрствовать, быть при страждущемъ и развлекать его. Стоило хоть на минуту заснуть, или отлучиться, и о. Георгій не сладить со своею страстью: если найдетъ вино дома, выпьетъ его сверхъ мѣры, а если нѣтъ, то потихоньку уйдетъ къ сосѣдямъ и у нихъ выпроситъ, что нужно, для удовлетворенія своей пагубной страсти. Діета нарушена и всѣ труды пропали. Опять начинай снова.

Когда онъ начнетъ выздоравливать, потребность развлекать его еще больше возрастала. Страсть бушевала. Запретный плодъ влекъ его къ себѣ съ неудержимою силой. Приходилось придумывать всевозможныя средства, чтобы уменьшить силу страсти и отвлечь его вниманіе отъ ея предмета.

Приходъ у о. Георгія былъ большой. Требы частыя. Вотъ придетъ мужичекъ и зоветъ его съ требой. „Митя, какъ скажешь“, совѣтуется со мной о. Георгій. Тогда зову къ себѣ мужичка и спрашиваю: есть у тебя водка на дому?—Есть.—Даешь слово отдать ее въ мои руки?—Даю.—Идемъ. Я псаломщикаю. Окончивъ требу, по обыкновенію, о. Георгій проситъ водки. Трудно становится поддерживать діету. Мужичекъ рѣдко сдерживалъ свое обѣщаніе. Благо, выпить за компанію и самому ему очень хочется. Онъ вступалъ въ свои права, бралъ изъ моихъ рукъ бутылку и начиналъ угощать о. Георгія. Да еще какъ? Встанетъ на колѣни и проситъ: „выпей, батюшка-кормилецъ“. Тутъ я начиналъ понимать отчасти, откуда у человѣка могла образоваться такая сила страсти. Опять всѣ труды мои пропадали.

Послѣ такихъ опытовъ съ требами я сталъ относиться къ нимъ осторожнѣе. Чаше отсылалъ мужичковъ къ сосѣднему священнику. Такъ было вѣрнѣе.

Когда хмѣль совсѣмъ уже начиналъ выходить изъ моего пациента, тогда физическіе его недуги смѣнялись душевными. Онъ требовалъ новаго тщательнаго ухода и новыхъ развлеченій. Страшная тоска давила его сердце. Начинались припадки бѣлой го-

рячки. Ему все видѣлись бѣсы, пришедшіе за его душой; всюду они преслѣдовали его и угрожали ему. Лежишь, бывало, съ нимъ на кровати, онъ и говоритъ: „Митя, перекрестись“. Крестишься. Скажи: „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“. Исполняешь. Спросишь: почему это нужно? Отвѣчаетъ: „а мнѣ сказали, что ты креститься не умѣешь“. Все что-то онъ шепчетъ, о чемъ-то и съ кѣмъ-то разговариваетъ, что-то крестить, такъ что даже жутко станеть, особенно ночной порой, чего бы не сдѣлалъ надъ собой дурно. Не разъ бывало съ нимъ и такъ: надѣнетъ епитрахиль, возьметъ въ руки крестъ и такъ спасается отъ своихъ привидѣній. Въ такомъ видѣ приходилъ иногда и въ домъ своихъ сосѣдей. Настанеть день, становится легче. Вотъ тогда мы идемъ въ поля, зайдемъ въ лѣсъ, пойдемъ на рѣчку, и туга душевная мало по-малу начинаетъ проходить. О. Георгій станеть читать молитвы, правило, готовится къ службѣ. Когда отслужить обѣдню, возвращается уже веселый изъ храма Божія. Тутъ дѣятельность руководителя кончалась. Онъ могъ вздохнуть свободно и позаботиться уже о своемъ отдыхѣ.

Особенно жалкое было положеніе о. Георгія, если онъ „разрѣшить“ во время болѣе или менѣе отдаленнаго путешествія. Какія мученія приходилось переживать во время такихъ поѣздокъ,—изобразить трудно. Тутъ приходилось или возвращать его съ дороги домой, или какъ можно скорѣе по приѣздѣ на мѣсто отправлять обратно.

Тяжесть его положенія увеличивалась отъ того, что въ своемъ недугѣ, какъ мы сказали, онъ былъ безпомощенъ. Кромѣ друга Мити онъ никого не признавалъ и никого не слушалъ. Когда стануть, бывало, унимать его близкія къ нему лица, онъ властно заявляетъ: „уйдите отъ меня: я васъ выше цѣлой головой!“ Ему возражаютъ: „а вотъ Дмитрія Васильевича вы слушаете? Почему же насъ не хотите слушать?“ Онъ отвѣчаетъ: „Митя меня цѣлой головой выше; потому его и слушаю“. Такъ незаслуженно величалъ онъ своего друга. Опять приходилось посылать за Митей. Хорошо, если грѣхъ случится въ каникулы (къ счастью, недугъ болѣе одолѣвалъ его лѣтней порой). А если въ учебное время, то приходилось предоставлять его самому себѣ, и запой продолжался дольше.

Можете себѣ представить обоюдную хрістіанскую радость друзей, когда несчастная страсть, наконецъ, побѣждалась. Оба они шли въ церковь. Служилась заутреня и обѣдня. Бывшій руководитель бралъ на себя тогда скромную должность псаломщика. Обѣдня кончалась; оба возвращались веселые: одинъ избавился отъ недуга, другой—достигъ своей цѣли. Тогда очередь за отдыхомъ была на сторонѣ младшаго изъ друзей, и онъ съ миромъ возвращался восвояси.

Интересно знать,—какъ развивалась такая страсть въ душѣ человѣка, особенно священника? Гдѣ ея корень и начало? При какихъ обстоятельствахъ она возрастала? Чѣмъ окончилась?

Всѣ эти вопросы сильно интересовали и самого меня. И вотъ проводя безсонныя ночи съ о. Георгіемъ, я неоднократно слыхалъ отъ него печальную повѣсть его жизни, какъ умѣю, и постараюсь передать читателямъ.

Сынъ бѣднаго сельскаго дьячка, о. Георгій рано спозналъ нужду. Особенно обострилась она въ ученическіе годы его жизни. Кое-какъ пробившись въ училищѣ и поступивъ въ семинарію, онъ часто самъ долженъ былъ заботиться о своемъ пропитаніи. Гдѣ было искать постороннихъ заработковъ? Учился онъ не особенно прилежно. Интересъ къ наукѣ и просвѣщенію явился у него потомъ, на самостоятельной службѣ. Богато одаренный природными способностями, онъ легко воспринималъ кое-что изъ курса наукъ, чтобы переходить ему изъ класса въ классъ, особенно при тогдашнемъ снисходительномъ отношеніи и требованіяхъ къ учащимся. У него былъ одинъ талантъ и одно любимое занятіе, это—пѣніе. Подросткомъ онъ имѣлъ чудный альтъ и былъ солистомъ въ семинарскомъ хорѣ. Пѣлъ онъ, какъ говорятъ, съ душой, съ глубокимъ чувствомъ. Его пѣніе было увлекательно и въ послѣдующее время на самостоятельной службѣ. Какъ запоетъ, бывало, „да исправится молитва моя“ на преждеосвященной литургіи, такъ совершенно завладѣетъ вашей душой, и вы невольно возносите своими мыслями и чувствами вслѣдъ за святымъ псалмопѣвцемъ Давидомъ. Онъ самъ очень любилъ рассказывать про ученическій періодъ своей жизни, про лучшихъ пѣвцовъ, про свои успѣхи, какъ, напримѣръ, однажды о. ректоръ семинаріи, тронутый исполненіемъ *соло* за праздничной всенощной при пѣніи „Нынѣ отпускаеши“, или „Свѣте тихій“, отдавалъ приказаніе вынести ему благословенный хлѣбецъ. Такіе рассказы онъ оканчивалъ обыкновенно слѣдующей, имъ самимъ составленной, пословицей: „да, Митя, мы попѣвали, да винцо попивали“.

Вотъ, говаривалъ мнѣ о. Георгій, послѣ пѣвческихъ трудовъ, мы—пѣвцы явимся въ гостинницу чайку попить, отдохнуть, отдохнувши, споемъ чтонибудь. Смотришь, является на столъ обемистый графинчикъ, наполненный веселящей влагой. Это—подарокъ кого-либо изъ щедрыхъ гостей за доровое удовольствіе. Разопьемъ его, развеселимся. Еще споемъ, графинчикъ снова пополнялся, а потомъ еще и еще... Такъ вмѣстѣ съ другими я постепенно втягивался въ это удовольствіе, и мало по-малу оно обращалось у меня въ привычку. При пѣвческихъ трудахъ явились заработки. Они большею частію уходили на тоже удовольствіе. Юные пѣвцы превращались въ форменныхъ пьяницъ. Съ

годами о. Георгій болѣе и болѣе овладѣвалъ пѣвческимъ искусствомъ. Когда голосъ у него упалъ, онъ самъ сдѣлался регентомъ. Зарботки увеличились. Увеличилась и возможность удовлетворить любимой предосудительной привычкѣ. Привычка постепенно превращалась въ страсть.

Очень умный и даровитый отъ природы, о. Георгій понималъ умомъ и почувствовалъ сердцемъ всю отвратительную силу этой страсти. Окончивъ курсъ и выйдя на мѣсто, онъ рѣшилъ совершенно измѣнить свою жизнь,—далъ себѣ твердый зарокъ не касаться пагубнаго зелья. Много вліяла на него въ добрую сторону умная и добрая его супруга, сама выдавшая много уродливыхъ и отвратительныхъ явленій пьянства, особенно въ своей средѣ. Началась для него новая прекрасная жизнь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ онъ на мѣсто священника. Будучи нѣкоторое время діакономъ, онъ все еще нѣсколько придерживался старой привычки. Съ воспріятіемъ благодати іерейства, онъ сдѣлался совершеннымъ трезвенникомъ. Такъ продолжалось лѣтъ около десяти. Тогда никто изъ его прежнихъ товарищей не узналъ бы его. Жизнь его измѣнилась совершенно. Сказалась богато-одаренная натура; явилось желаніе восполнять старые пробѣлы, читать, учиться, слѣдить за жизнью. Вспоминая прежнюю жизнь, онъ говорилъ: „одинъ мой товарищъ, въ бытность мою семинаристомъ, спрашивалъ меня: неужели я буду священникомъ? А я вотъ теперь отвѣчалъ ему, что не только священникъ, но и благочинный. Пусть подивится“. Дѣйствительно, было чему подивиться.

Но кто похвалится, что прожилъ жизнь безъ искушеній? Кто свободенъ отъ нихъ? Кто не согрѣшалъ и не падалъ? Тоже, къ сожалѣнію, случилось и съ бѣднымъ о. Георгіемъ. Не смогъ укрѣпиться онъ въ своей трезвенности. Вотъ онъ сталъ благочиннымъ. Большія собранія бывали въ его домѣ. А онъ былъ большой хлѣбосоль. Пришлось и самому чаще выѣзжать въ люди, бывать въ гостяхъ, въ силу своего положенія. Разъ какъ-то товарищи въ пріятельской бесѣдѣ уговорили его выпить рюмочку. Онъ сдался на убѣжденіе и выпилъ. Его убѣдили выпить другую, третью... „И вотъ, чувствую, говорилъ онъ потомъ, что начинается во мнѣ пробуждаться прежняя страсть съ новою силой“... Страсть потребовала себѣ удовлетворенія. Образовался запой. Пока жива была супруга, она умѣла вліять на него и сколько возможно, сдерживала силу его страсти. Но крайней мѣрѣ при ея жизни не было замѣтно ничего рѣзко выдающагося въ жизни о. Георгія, ничего, изъ ряду вонъ выходящаго. Но вотъ она умерла. Бѣдный о. Георгій съ тоски и съ горя началъ запивать чаще и чаще. Запой повторялись, дѣлались продолжительнѣе. Страсть бушевала всю.

Развитію страсти, вслѣдъ за вдовствомъ, способствовали и другія жизненныя обстоятельства.

Овдовѣвъ, о. Георгій все свое вниманіе сосредоточилъ на дѣтяхъ. Зная загубленную свою жизнь, онъ употреблялъ всю силу родительскаго вліянія, чтобы исторія несчастнаго отца не повторилась въ дѣтяхъ. Слѣдилъ за ними, не жалѣлъ средствъ на ихъ образованіе, нанималъ за дорогую цѣну репетиторовъ, помѣщалъ на лучшихъ квартирахъ, но... ничего не помогало. Какъ нарочно, дѣти даровитыя, могли-бы хорошо учиться, но не хотѣли. Старшаго уволили изъ среднихъ классовъ семинаріи. Какой сердечной боли стоило это бѣдному отцу! Дѣлать нечего, пришлось примириться. О. Георгій сталъ пристраивать неудачника, снабдилъ его всѣмъ необходимымъ въ началѣ и въ послѣдующее время помогалъ матеріально, особенно послѣ женитьбы сына. Однако, въ жизни сына повторилась отцовская страсть. Послѣдовали скитанія по псаломщическимъ мѣстамъ, пока совсѣмъ со службы не уволили. Несчастный сынъ скоро умеръ, павъ жертвою пагубной страсти.

Подобное произошло и съ другимъ сыномъ.

Это было такимъ горемъ отцу, что каждый разъ самой первой просьбой его въ разговорахъ съ нимъ было: „о дѣтяхъ ни слова“...

Между тѣмъ на плечахъ сельскаго священника есть еще деревенское хозяйство. Когда нѣтъ вблизи родного человѣка и хозяйствомъ управляютъ чужіе, понятно, трудно ожидать тутъ правильности и порядка. Гдѣ-же за всѣмъ услѣдить одному хозяину? И это часто растривало о. Георгія. „Глаза бы не глядѣли, какъ идетъ мое хозяйство“, говаривалъ онъ въ минуту откровенности. Нервный и впечатлительный, онъ сталъ разстраиваться чаще и чаще и искать въ пагубной страсти забвенія своего горя и окружающей обстановки.

Прихожане, вмѣсто нравственной поддержки, приносили ему часто одинъ соблазнъ. Вмѣсто того, чтобы не подавать поводовъ къ развитію страсти, они при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ начнутъ угощать его: „выпей, батюшка! выпей кормилецъ!“

Приходъ о. Георгія издавна слыветъ не благословеннымъ. Не благословеннымъ — въ томъ смыслѣ, что пагубно дѣйствуетъ на священниковъ, въ смыслѣ развитія въ нихъ страсти къ хмѣльнымъ напиткамъ. Частые праздники по многочисленнымъ деревнямъ, сопровождающіеся обильными возліяніями, большая привычка народа къ спиртнымъ напиткамъ и желаніе имѣть священника за панибрата—много вліяютъ на пріобрѣтеніе послѣднимъ предосудительной привычки. Нужно имѣть желѣзную волю, чтобы противостоятъ всѣмъ соблазнамъ и возвышаться надъ толпой, какъ подобаетъ пастырю Церкви. По словамъ о. Георгія, три его предшественника кончили тѣмъ-же, чѣмъ и онъ.

Пріѣдетъ священникъ въ приходъ съ требой, водки сколько хочешь, а заплатитъ за трудъ священнику нечѣмъ.

Такъ и приходъ дурно вліялъ на о. Георгія. Онъ совсѣмъ отдался страсти. Начальство сначала терпѣло, елико возможно, и поддерживало. Но скоро терпѣть стало нельзя. Ропотъ возникъ среди прихожанъ. Отецъ Георгій совсѣмъ опустился. Его уволили. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ влачить жалкое существованіе, гдѣ день, гдѣ ночь...

Съ окончаніемъ образованія судьба бросала меня по разнымъ мѣстамъ вдали отъ родины. Я потерялъ изъ виду друга и не могъ быть ему полезенъ „въ минуту жизни трудную“. Я могъ лишь издали слѣдить за нимъ съ сердечною скорбью о его паденіи.

Наконецъ, судьба сжалилась надо мной, и я послѣ долгихъ скитаній возвратился въ родной городъ.

Однажды сажу въ своей квартирѣ. Вдругъ — рѣзкій звонокъ. Отпираю. Входитъ ко мнѣ мой старый другъ. Пьяненькій. Слышу знакомыя слова: „Митя! Христа ради рюмочку!“ Угостилъ его. Хотѣлъ было вступить въ свои прежнія права—заняться его лѣченіемъ, но онъ озадачилъ меня: „теперь ужъ поздно; мнѣ суждено итти своей дорогой“. Дѣлать было нечего. Посидѣли, погоревали, и другъ мой такъ-же стремительно, какъ вошелъ, направился къ выходу. Онъ ушелъ, и мнѣ лишь осталось грустить о гибели друга.

Прошло два года. Былъ лѣтній вечеръ. Я былъ на дворѣ своего дома. Приходитъ ко мнѣ родственница о. Георгія и говоритъ: сегодня ночью о. Георгій скончался.—Какъ? Гдѣ?—Въ городской больницѣ. Почувствовалъ себя дурно, пріѣхалъ лѣчиться. Легъ въ постель. Въ карманѣ была про запасъ бутылочка съ водкой, но ее отобрали. А ночью скоропостижно скончался.

Такъ кончилась печальная исторія о. Георгія, какихъ немало подъ нашимъ тяжелымъ сквернымъ небомъ.

Бѣдный о. Георгій! И послѣднему его желанію не суждено сбыться: „хоть-бы у себя дома помереть-то“.

Могила его на чужбинѣ.